На правах рукописи

Орлов Сергей Борисович

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

22.00.01 – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург 2002

Работа выполнена на кафедре теории и истории социологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Научный консультант: доктор философских наук, профессор Е.С. Баразгова.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Ю.Р. Вишневский;

доктор исторических наук, профессор М.Е. Главацкий;

доктор социологических наук, профессор В.Г. Попов.

Ведущая организация: Алтайский государственный университет

Защита состоится октября 2002 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн.248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор социологических наук,
профессор Л.Л. Рыбцова

Актуальность темы исследования. Россия была и остается государством**,** в котором институты и субъекты власти всегда доминировали над остальным обществом, создавая для него и за него совокупность социальных норм во всех сферах жизнедеятельности. При этом любой правящий режим должен был постоянно поддерживать свой образ как единственной легитимной силы, консолидирующей, укрепляющей и стабилизирующей государство.

С другой стороны, российское общество состояло из социальных групп различной степени политической активности. Среди них были и те, которые, не желая быть ***объектом*** воздействия со стороны власти, стремились стать главным ***субъектом*** политического действия и в противовес ей разрабатывали и внедряли в жизнь принципиально иные социальные нормы. Составной частью этой деятельности являлось создание позитивного образа данной группы путем априорной и аффективной ее самооценки и приписывания ей ряда номинативных признаков, позволяющих характеризовать легитимизирующуюся группу в качестве наиболее передовой и организованной части общества.

Это обуславливало возникновение альтернативной системы взглядов, исходящих из иррациональной, внелогической, эмоциональной сферы сознания, также частично отражающих действительность, однако функционирующих в данной социальной среде в качестве научных парадигм. Система такого рода взглядов получила название «социальной мифологии».

По мнению исследователей, занимавшихся ее изучением, социальная мифология есть неотъемлемый атрибут человеческого существования. Так, Н.А. Бердяев в свое время отмечал, что в основании общества всегда лежат социальные мифы, без них не могут существовать народы. Любой тип власти, по его мнению, имеет свои разновидности социальной мифологии – существуют мифы либеральные, демократические, социалистические, монархические, фашистские и другие. В основу каждого из них положен определенный набор мифологем, представляющих собой совокупность самостоятельных структурных единиц, объединенных единой концепцией. Так, главной составляющей социалистического мифа является мифологема пролетариата, как класса-спасителя, класса-мессии.

Социальная ткань современного российского общества пронизана целой системой социальных и политических мифов, одни из которых давно укоренились в сознании граждан, а другие только пробивают себе дорогу. В целом манипуляции общественным сознанием с помощью социальной мифологии, внедряемой средствами массовой информации, социальными технологиями, политической рекламой и т.д., приобрели тотальный характер. Поэтому всестороннее исследование комплекса проблем, связанных с социальной мифологией – анализ исторического происхождения и развития мифологем, типология основополагающих мифов, выявление субъектов мифотворчества и целый ряд других вопросов, - нам представляется весьма актуальной задачей.

Ее решение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку знание законов функционирования социальной мифологии, основных признаков мифа, его разновидностей, выявление субъектов мифотворчества, позволит точнее определить совокупность реальных политических сил, их потенциальных возможностей и вектора устремления, а следовательно, конкретизировать предполагаемые пути развития российского общества.

В рамках данной работы мы исследуем мифологему, прочно укорененную как в научном, так и в массовом сознании, и являющуюся, по нашему мнению ключевой для понимания специфики функционирования социальной мифологии в России – мифологему «интеллигенция».

На первый взгляд, реальность существования интеллигенции не вызывает особых сомнений. Данное понятие является общепринятым и широко употребляется в различных областях гуманитарного знания. Выделение интеллигенции в особую социальную группу производится по нескольким традиционным критериям.

Первый из них в качестве главного признака называет высокий *профессионально-образовательный ценз* («образованный класс», «группа экспертов», «интеллектуальная элита», «лица, профессионально занимающиеся умственным трудом»).

Второй критерий определяет интеллигенцию с помощью *морально-этических категорий* – «совесть общества», «его лучшая часть», «особый духовный орден».

Третий синтезирует предыдущие: интеллигенция – это группа высокообразованных людей, обладающих честью, достоинством, порядочностью, милосердием, и сохраняющих высоты культуры перед лицом властвующей бюрократии и подчиненной ей полуобразованной массы.

Однако при более пристальном изучении эти критерии представляются нам недостаточно обоснованными.

Образованность сама по себе является конституирующим признаком, который характеризует степень профессиональной пригодности личности. Поэтому, по нашему мнению, нет необходимости в достраивании «признака над признаком» - не существует профессии «интеллигент», равно как «инженер-интеллигент» или «слесарь-интеллигент».

Что касается определения интеллигенции с помощью морально-этического критерия, то в данном случае объективность в оценке вообще отсутствует – это выражение субъективного и зачастую сиюминутного мнения определяющего.

Таким образом, следует констатировать, что вопрос о сущности понятия «интеллигенция» и о причинах его возникновения остается открытым и нуждается в дальнейшем исследовании.

В связи с этим актуальным становится выработка новых подходов к ее изучению. Наиболее плодотворной нам представляется методология, изучающая интеллигенцию как явление социальной мифологии. Она позволяет выйти за рамки классового или аксиологического критерия, определить, является ли

искомый термин теоретическим артефактом, номинальной группой, или имеет основания в структуре общества, в соответствии с которыми можно установить границы реальности существования данной группы, выявить субъект мифотворчества и скореллировать его с исследуемым нами явлением, а также рассмотреть развитие мифологемы «интеллигенция» в историческом пространстве.

Выявление субъекта, использующего данную мифологему, позволит определить его реальную суть как исторического субъекта действия; (им, по нашему мнению, в России всегда являлась бюрократия в различных ипостасях – дворянской, чиновничьей, политической и т.д.). При этом рассмотрение специфики ее функционирования имеет не только историческое или теоретическое, но и прикладное значение, поскольку только точное знание всех социальных групп, их потенциальных возможностей и вектора устремления, позволит выявить перспективы развития российского общества и, соответственно, пути выхода из того состояния, в котором оно сегодня пребывает.

Итак, актуальность выбранной нами темы исследования обусловлена, во-первых, возрастающим влиянием социальной мифологии на общество в переломные моменты его развития, с одной стороны, и недостаточной степенью ее исследованности, с другой;

Во-вторых, объективной потребностью общества в идентификации ряда социальных явлений (в том числе – интеллигенции) как реальных или мифологических с целью адекватной оценки его социальной структуры.

В-третьих, необходимостью раскрытия на основе данной идентификации субъекта мифотворчества и рассмотрения его как субъекта политического действия.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время на базе отечественной и зарубежной философской, социологической, исторической и культурологической наук сложилась целая субдисциплина – «интеллигентоведение», изучающая различные аспекты данной проблемы.

Ее возникновение было обусловлено первыми попытками осмысления этого явления начиная с 70-х годов XIX в. теоретиками народничества – Я.В. Абрамовым, В.П. Воронцовым, Ф. Денисенко, Б.В. Добрыниным, Н.Н. Златовратским, С.Я. Елпатьевским, Р. Ивановым-Разумником, С.Н. Кривенко, П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским, А.А. Николаевым, В.Н. Одноблюдовым, А.В. Пешехоновым, А.П. Смирнягиным, П.Н. Ткачевым, М.М. Филипповым, П.П. Червинским, Н.А. Шелгуновым, А.Н. Энгельгардтом и др., выделявшими интеллигенцию в особую социальную группу в соответствии с социально-этическим критерием и считавшими ее частью народа, взявшей на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа.

В 90-е годы к проблеме интеллигенции обратились исследователи, придерживавшиеся марксистских взглядов – М. Белорусс, Д. Зайцев, П.С. Коган, П. Лафарг, В. Лункевич, М. Мандельштам, М. Мауренбрехер, Д.Б. Рязанов, В. Шулятиков и др.

Их воззрения стали составной частью концепции интеллигенции, предложенной Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и его соратниками – В.В Воровским, П.И. Лебедевым-Полянским, А.В. Луначарским, Л.Д. Троцким и т.д., трактовавшими интеллигенцию как социальную прослойку, принадлежащую к различным классам общества, то есть в соответствии с социально-классовым критерием.

В это же время тема интеллигенции осмысливалась в публицистике писателями И.С. Аксаковым, А.И. Герценом, П.Д. Боборыкиным (которому ошибочно приписывают авторство этого термина), И.С. Тургеневым, историками Е. Летковой, В.О. Ключевским и др.

К ней обращаются ученые и так называемого «либерального» направления – К.К. Арсеньев, Н.А. Гредескул, А. Кизеветтер, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, Л. Оболенский, Д.И. Овсянико-Куликовский, И.И. Петрункевич, Л.А. Полонский, И.А. Славинский, М.Н. Туган-Барановский, а также «либерально-религиозного» - В.В. Зеньковский, Д.С. Мережковский и др.

Все указанные выше авторы, при несходстве (а иногда и противоположности) их политических взглядов, рассматривали интеллигенцию как реально существующую социальную группу, часть общества в целом или часть определенного класса.

Несколько иной была «консервативная» точка зрения, основа которой была заложена в работах К.Н. Леонтьева, а затем развита Л.А. Тихомировым, Н.М. Соколовым, С.Н. Сыромятниковым. Они считали интеллигенцию явлением, принципиально чуждым и даже враждебным русскому народу, обществу и государству.

Более конкретную форму эта точка зрения получила в виде концепции интеллигенции как исторически обусловленной формы бюрократии, разработанной в трудах ученого-народника И.И. Каблица и солидаризовавшихся с ним С.А. Венгерова, О.Ф. Миллера, Б.В. Назаревского, социал-демократов К. Каутского, Л.Н. Потресова, идеологов анархизма Я.В. Махайского и Е.И. Лозинского, писателя А.П. Чехова, кадета А.С. Изгоева. В целостной и концептуальной форме эти взгляды нашли свое выражение в сборнике «Вехи», в который были включены работы Н.А. Бердяева, Н.А. Булгакова, М.О. Гершензона, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка и А.С. Изгоева.

С победой Октябрьской революции возобладала точка зрения В.И. Ленина. Работы Н. Батурина, Л. Войтоловского, С.Я. Вольфсона, В.В. Воровского, А.К. Гастева, Б.И. Горева, Е.С. Коц, А. Оранского, В. Полянского, М.А. Рейснера и др., написанные в 1920-х годах, изучали интеллигенцию уже в рамках ленинской концепции интеллигенции как междуклассовой прослойки общества. Она была развита и завершена в трудах И.В. Сталина, впервые в истории став частью государственной концепции социальной структуры российского общества. С начала 30-х и вплоть до начала 60-х годов в СССР издавались работы только популяризаторского, разъясняющего характера – книги и статьи В. Ведерникова, Б. Волина, С. Кафтанова, М.И. Калинина, С.М. Ковалева, Ф. Константинова, М. Процько, Л. Сыркина, Л. Тандита, Ем. Ярославского и др.

В противовес официальной советской точке зрения уже с начала 20-х годов появляются труды ученых-эмигрантов – сборник «Из глубины», являющийся продолжением «Вех» и наполовину состоящий из статей их авторов, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова, «сменовеховцев» и др.

С начала 60-х годов в нашей стране данная тематика вновь стала привлекать исследователей. Выпушенный в конце 70-х годов библиографический указатель «Советская интеллигенция. Советская историческая и философская литература за 1968-1978 годы» содержал 1995 позиций.

Подавляющее большинство этих работ носило общетеоретический характер и трактовало интеллигенцию в соответствии с уже имеющимися критериями – социально-классовым, социально-профессиональным и социально-этическим, споря лишь о том, какой критерий должен быть выбран в качестве основного.

В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают работы Л. А. Булгаковой, Б.П. Балуева, Л.К. Ерман, М.Д. Курмачевой, В.Р. Лейкиной-Свирской, Н.М. Пирумовой, С.А. Федюнина, С.И. Хасановой, М.М. Штранге, посвященные истории становления различных профессиональных групп, объединенных понятием «интеллигенция».

Кроме того, проблему интеллигенции затрагивали ученые, изучавшие различные аспекты духовной жизни российского общества, основ его правового функционирования, формирования его социальной структуры, маргинализации – С.С. Алексеев, Ю.Р. Вишневский, А.В. Гайда, З.Т. Голенкова, Е.В. Грунт, Е.Н. Заборова, Т.И. Заславская, Г.Е. Зборовский, Е.Д. Игитханян, Л.Г. Ионин, Л.С. Лихачева, К.Н. Любутин, А.В. Меренков, С.В. Мошкин, В.Ф. Олешко, Г.П. Орлов, В.Г. Попов, Л.Л. Рыбцова, Е.Н. Стариков, А. Хорос, В.Т. Шапко и целый ряд других исследователей.

Во второй половине 80-х – 90-х годах продолжает преобладать традиционная точка зрения, представленная В. Аксючицем, Э.М. Андреевым, А.С. Ахиезером, А.В. Бакуниным, С.И. Барзиловым, И.А. Бутенко, М.Е. Главацким, С.Г. Кириленко, Л.Н. Коганом, А.М. Подберезкиным, Т.В. Наумовой, Л.Я. Рубиной, М.Н. Руткевичем, Л.Я. Смеляковым, В.Л. Соскиным, С.Г. Чаплыгиной, Г.К. Чернявской, Н. И. Яковенко и др.

Однако появляется и альтернативные мнения. Как разновидность бюрократии рассматривают интеллигенцию Е.С. Баразгова и О.В. Шабурова, Д.А. Ванюков, С.В. Ковалева, В.Ф. Кормер, Л. Люкс, Ю. Пивоваров, А.Н. Севастьянов, Л.Г. Фишман. И.П. Попова считает интеллигенцию маргинальным слоем общества. А.А. Галкин, Ю.Л. Качанов, Э.В. Клопов обращают внимание на мифологизированный характер теории социальной структуры российского общества. Наконец, И. Дичев, К.В. Киселев, Р.В. Рывкина, а также К.Б. Соколов предприняли первые попытки исследования интеллигенции как мифа.

Таким образом, несмотря на огромное количество исследований по данной тематике, проблема раскрытия сущности понятия «интеллигенция», еще далека от разрешения прежде всего из-за отсутствия методологии изучения ин-

теллигенции как явления мифологии. Для ее разработки мы обратились к работам, исследующим различные аспекты мифа, его цель, признаки и функции в обществе.

Прежде всего это труды В. Вундта, В.Б. Иорданского, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского, М. Мюллера, Платона, С.А. Токарева, Э. Тэйлора, Дж. Фрезера, анализирующие миф и его проявления в современном обществе с позиций представляемых ими школ – сравнительной, этимологической, психологической. Внутренняя структура мифа, закономерности развития и его взаимосвязь с другими формами общественного сознания – идеологией и утопией, - изучаются в работах Е. Анчел, Р. Барта, Р. Бультмана, М. Вебера, Дж. Вико, Г.Г. Гадамера, К. Леви-Строса, Ф. Ницще, З. Фрейда, К. Хюбнера, М. Элиаде, К.Г. Юнга, а также отечественных авторов – М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера, П.С. Гуревича, М.А. Лившица, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.М. Найдыша, В.Я. Проппа, И.И. Стеблин-Каменского, О.М. Фрейденберг, Е. Шацкого и др.

Особый интерес представляют работы авторов, исследующих политический миф – Г. Лебона, Э. Кассирера, К. Мангейма, К. Маркса, С. Московичи, Ж. Сореля, Г. Тарда, а также П.С. Гуревича, В.Н. Живова, Г.С. Кнабе, А. Кольева, А.А. Левандовского, С. Лезова, А.М Лобка, В.С. Полосина.

Поскольку, по нашему мнению, под понятием «интеллигенция» скрывается мифологизированная разновидность бюрократии, в диссертации рассмотрены ее теоретические концепции, разработанные Р.Г. Апресяном, Н.А. Бердяевым, В.А. Блюмкиным, М. Вебером, Г.В.Ф. Гегелем, М. Крозье, К. Мангеймом, К. Марксом, Л. Мизесом, Ф.Р. Риггсом. Кроме того, для доказательства исторической обусловленности данного явления мы обратились к работам отечественных и зарубежных историков, изучающих различные аспекты развития самодержавия в России и его бюрократического аппарата – А.С. Ахиезера, Х. Баггера, М.М. Богословского, Н.Ф. Демидовой, Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, В.О. Ключевского, С.В. Мироненко, Б.Н. Миронова, В.П. Муравьева, Р. Пайпса, А.П. Страхова, П.Б. Струве, С.М. Троицкого, Г.П. Федотова, П.Я. Чаадаева, Л.В. Черепнина, П.П. Чернышева и Д.В. Чернышевского, В.Л. Янина и др.

Наконец, при анализе политических субъектов действия автор обращался к работам В.Ф. Асмуса, Ю.А. Ермакова, И.В. Кондакова, С. Коэна, В.Р. Лейкиной-Свирской, Ю.О. Мартова, А.В. Иванова и И.А. Остаркова, А.С. Панарина, В.Н. Руденко, В.В. Скоробогацкого, Р. Такера и др.

Цели и задачи исследования. Диссертант ставит своей целью доказать, что понятие «интеллигенция», которое в традиционной парадигме теории социальной структуры российского общества и в массовом сознании обозначает реально существующую и функциональную социальную группу, является политической мифологемой, возникновение и укоренение которой в обществе обусловлено объективными закономерностями развития социальной мифологии в России и потребностями субъектов мифотворчества – разновидностями политической бюрократии, стремящейся к власти, - в позитивной идентификации.

В соответствии с указанной целью в диссертации ставятся следующие задачи:

- выработка методологии исследования мифологических явлений, включающая, во-первых, определение признаков и разновидностей политического мифа, а также его форм и средств проявления в обществе; во-вторых, определение типов бюрократии и особенностей ее функционирования как самостоятельного социального слоя, осознающего свои цели в обществе и создающего для их реализации соответствующие формы социальной мифологии;
- выявление на основе социально-исторического анализа этапов становления российской бюрократии и присущих им мифологем, а также преемственности данных этапов по отношению друг к другу;
- определение субъекта мифотворчества понятия «интеллигенция» и доказательство обусловленности его появления особенностями политической жизни России 30-х-40-х гг. XIX в.;
- анализ этимологии понятия «интеллигенция», и установление основных критериев ее выделения в особую социальную группу;
- обоснование диалектики превращения единичной мифологемы «интеллигенция» в сложное социальное явление, развитие которого обусловлено борьбой за власть, и обладающее набором признаков, позволяющих трактовать его как целостный политический миф;
- анализ и раскрытие сути «концепций-предупреждений», рассматривавших интеллигенцию как исторически закономерно возникший, мифологизированный тип бюрократии – корпоративно-политический;
- определение инвариантов данного мифа в зависимости от политического режима.

Методологические основы исследования. В нашем исследовании мы применяли совокупность следующих методов: *структурно-генетического,* позволяющего изучать социальные явления, имеющие длительный генезис и сложную внутреннюю структуру; *функционального*, с помощью которого определялись реальные субъекты исторического действия; *семиотического*, анализирующего смысловые единицы языка; *сравнительно-исторического*, дающего возможность выявить этапы становления мифа, его инварианты, а также рассмотреть функционирование мифа в конкретной точке исторического пространства.

Научная новизна исследования. В диссертация впервые концептуально исследовано понятие «интеллигенция» как явление социальной мифологии, политическая мифологема, возникновение которой было обусловлено спецификой становления и развития российской бюрократии в качестве субъекта действия, преследующего собственные корпоративные интересы, и с помощью данной мифологии претворяющего их в жизнь.

Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну и выносимые на защиту:

1. Разработана методология исследования социальных явлений как мифологических, которая позволила сделать следующие выводы.

Социальная мифология является реально существующим и активно функционирующим в обществе явлением. Его основная *цель* всегда задается субъектом мифотворчества и предполагает установление новой социальной нормы, создание упорядочивающей перспективы и определенной системы ценностей.

Функции мифа – укрепление означенной мифом системы ценностей в меняющемся мире;

- установление образцовых моделей всех значимых видов человеческой деятельности;
- представление этих исторически изменчивых и социально ограниченных моделей как естественных и вечных.

Из функций мифы вытекают его основные *признаки*:

- миф имеет отношение к реальности;
- использование любого мифа политическими силами придает ему политический характер;
- миф антикаузален, эмоциональное в его содержании доминирует над логическим;
- псевдокаулизация мифа происходит путем объединения разрозненных мифологем в единую концепцию;
- структура мифа сходна с научной и сохраняется даже при радикальном изменении содержания мифа;
- формами проявления мифа в обществе являются идеология и научная теория;
- миф имеет статическую и динамическую разновидности в зависимости от того, какая политическая сила его использует;
- внедрение мифа в сознание общества на этапе разрушения старой социальной нормы происходит с помощью средств массовой информации; на этапе закрепления новой социальной нормы к ним присоединяются институты образования;
- миф имеет особый полифункциональный язык. В период разрушения социальной нормы он внедряется в общество как противовес официальному языку в качестве передового «новояза»; в период закрепления новой социальной нормы (как правило, этому способствует изменение баланса политических сил) язык мифа становится *энкратическим*, то есть находящимся под опекой сил, пришедших к власти;
- миф функционирует только в рамках определенного топографического пространства;

2. Рассмотрены особенности становления субъекта мифотворчества – маргинального разночинского слоя, и обусловленность его развития политической ситуацией, сложившейся в России в 30-е – 40-е гг. XIX в.;

3. Изучена этимология термина «интеллигенция», имеющего литературное происхождение и расплывчатое вненаучное толкование;

4. Показан процесс освоения данного термина различными политическими группировками с целью позитивной самоидентификации в обществе и наделение его рядом признаков в соответствии с предложенным критерием: у народников – социально-этическим, у марксистов – социально-классовым;
5. Доказано, что марксистский критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу по социально–классовому признаку как прослойки, относящейся к различным классам, является разновидностью народнического критерия, только «лучшая часть общества» сужается до размеров «лучшей части класса»;
6. Установлено, что в силу специфики государственного устройства Российской Империи реальным субъектом политического действия и основой будущего государственного аппарата могла стать только партия, копирующая приемы и методы чиновничьей бюрократии – железную дисциплину, замкнутость организации, иерархическую лестницу внутри нее, принцип централизма в управлении, наличие «ядра», то есть профессиональных революционеров, а также идеологии, понятной и привлекательной для масс. Именно такой была партия, созданная В.И. Лениным;
7. Изучены «концепции-предупреждения», авторы которых рассматривали интеллигенцию как качественно новую разновидность бюрократии, враждебную российскому народу и государству; при этом некоторые из них (в частности, соавторы сборника «Вехи») исходили из реального опыта «хождения интеллигенции во власть» - из опыта революции 1905-1907 гг., считая, что, несмотря на различие политических позиций, интеллигенция есть единый и целостный феномен народничества;
8. Рассмотрен процесс трансформации мифа об интеллигенции в условиях инновационной формы партийного правления – от редукции в первые годы советской власти до абсолютной мифологии социальной структуры, начиная с 30-х гг. XX в.

Практическая значимость исследования. Методология, предложенная в данной диссертации, может быть использована для дальнейшего изучения социальных слоев российского общества, демифологизации многих устоявшихся догм, и, соответственно, для получения более реальной информации о процессах, происходящих в социуме, принятия правильных управленческих решений, разработки социальных технологий, и в конечном итоге, для выработки долгосрочной стратегии развития.

Кроме того, данная работа может быть использована для разработки и чтения спецкурсов по проблемам социальной структуры, политической мифологии, различным аспектам культурологии.

Определение реального субъекта политического действия позволит многим политическим группировкам точнее корректировать свою тактику в условиях многопартийности.

Наконец, демифологизация устарелой теории позволит выработать новую идеологию, более соответствующую нуждам и реалиям современного российского общества.

Апробация работы. По данной и смежной тематике автором опубликовано около 40 печатных работ общим объемом более 20 печатных листов, в том числе концептуальная статья «Интеллигенция как мифологический феномен: историко-социологический анализ», опубликованная в журнале «Социологические исследования» (№ 11 за 2001 год), а также монография «Политическая мифология в России: Опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции (Барнаул, АлтГТУ, 2002 год). Взгляды автора были изложены в докладах на целом ряде конференций, посвященных проблемам интеллигенции. За последние 5 лет из них можно выделить следующие: Международная конференция «Обновление содержания и инновационные методы преподавания гуманитарных наук». – Тула. 1997 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике». – Екатеринбург. 1997 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция и проблема формирования гражданского общества в России». – Екатеринбург. 1998 г.; Всероссийская конференция «Интеллигенция России в истории XX в.: неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи». – Екатеринбург. 1998 г.; Международная конференция «Российская интеллигенция: критика исторического опыта». – Екатеринбург. 2001 г. Кроме того, данная работа обсуждалась на кафедре политологии и социологии ИПК МГУ, а также на кафедре теории и истории социологии факультета политологии и социологии УрГУ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 257 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, дается характеристика степени её разработанности, определяются цели и задачи исследования, представляется научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава **«Социальный миф как имманентный атрибут системы властных отношений»** посвящена обоснованию идеи о том, что социальный миф является неотъемлемой и функциональной частью человеческого бытия, и выработке соответствующей методологии, позволяющей идентифицировать ряд общественных явлений как мифологических, а также всесторонне исследовать их в этом качестве.

В первом параграфе **«Признаки, разновидности, формы и средства функционирования мифа в обществе»** автор отмечает, что интерес к мифу как к определенной форме освоения действительности и особенно как к инструменту преобразования этой действительности со стороны ученых и политиков постоянно возрастает.

Однако проблема заключается в том, что отсутствует методология, которая позволила бы, во-первых, атрибутировать систему социальных мифов, и, во-вторых, исследовать каждый из них. Необходимость создания такого рода методологии отмечали практически все ученые в разное время занимавшиеся исследованием социальной мифологии – Н.А. Бердяев, А. Кольев, А.Ф. Лосев, В.С. Полосин, К. Хюбнер, М. Элиаде и др. Автор, присоединяясь к их мнению, омечает, что Россия не является исключением из правил - в социальной ткани

ее общества развиваются, соперничают и отмирают многочисленные мифы, возникновение которых обусловлено прежде всего особенностями развития системы властных отношений.

По мнению автора основополагающими социальными мифами в России являются:

- миф о власти, понимаемой не как механизм управления, но как некая сакральная, положительная или отрицательная сила, персонифицируемая либо в отдельном человеке, либо в социальном институте. При этом в оценке власти всегда наличествует аксиологическая доминанта;
- антикаузальный миф о «чудесном спасении» либо с помощью официальной государственной власти, либо с помощью силы, противостоящей государственной власти;
- миф «врага» – негативной силы, всегда внешней по отношению к субъекту мифотворчества.

Однако, все перечисленные выше мифы являются частными мифологемами по отношению к основополагающему мифу России – мифу народничества, проявляющемуся либо в народофилии, либо в народофобии.

В первом случае народ – богоносец, мудр и всеведущ и надо только узнавать его желания, а затем претворять их в жизнь.

Во втором случае все прошлые, нынешние и будущие беды России объявляются следствием врожденной неполноценности русского народа. Поэтому для успеха реформ не следует обращать внимания на его мнение.

И в том, и в другом вариантах подразумевается создание или существование определенной социальной группы, либо просто транслирующей и затем исполняющей волю народа, либо лучше народа знающей его нужды и самостоятельно претворяющей их в жизнь.

Это означает наличие еще одного мифа – мифа идентификации, когда индивид, выброшенный из привычной социальной среды или желающий повысить свой социальный статус и стать реальным субъектом политического действия, создает некую иллюзорную социальную общность и идентифицирует себя с ней.

В этом ему зачастую помогает государство, сознательно выстраивая необходимые социальные структуры. Так было в эпоху Петра I, продолжилось при Александре II, и повторилось после революции 1917 г., когда возникла триада «рабочий класс – крестьянство – интеллигенция».

В контексте проводимого автором исследования особый интерес вызывает интеллигенция, сама являющаяся целостным мифом, имеющим достаточно долгую историю и этапы развития. Исследование этого, равно как и любого другого мифа, с необходимостью предполагает выявление его признаков, разновидностей и форм, а также средств распространения мифа в обществе. Кроме того, обязательным представляется установление конкретных субъектов мифотворчества.

Для реализации этих задач автор обращается к анализу научных школ, изучавших различные аспекты социальной мифологии. Среди них лингвис-

тическая, представленная М. Мюллером, ритуально-социологическая, разработанная Дж. Фрезером и Б. Малиновским, психологическая, авторами которой являются Ф. Ницше и К.Г. Юнг, структуралистская, связанная с именем Р. Барта и К. Леви-Строса. Особое внимание автор уделяет анализу и разработке концепции политического мифа, основоположником которой был еще Платон.

Затем данная концепция разрабатывалась французским социологом Ж. Сорелем, а также одним из последователей Гегеля Э.Кассиререм. Кроме того, определенные аспекты политического мифа изучались такими учеными, как Н.А. Бердяев и К. Мангейм.

Проведенный анализ позволил установить следующее:

- политический миф является неотъемлемой и функциональной частью человеческого бытия, постоянно воспроизводясь в обществе в модифицированном виде. Ему присущи следующие признаки:
- миф есть один из способов формирования реальности;
- миф может использоваться в интересах различных социальных групп и сил, стремящихся либо захватить, либо удержать власть. Тем самым он вписывается в систему властных отношений и становится политическим;
- политический миф имеет статическую и динамическую разновидности. С помощью статического мифа правящий режим стремиться сохранить свое положение и власть в неизменном виде. В свою очередь, динамический миф используется оппозиционными силами для дискредитации существующего политического режима и представления себя в качестве единственной позитивной силы, способной изменить общество к лучшему;
- политический миф искажает реальность путем создания такой своей содержательной структуры, в которой доминируют эмоции и аффекты. При этом данная структура сохраняется при перестановке мифологем, составляющих миф, и полном изменении содержания мифа;
- кроме того, совокупность социальных явлений, представляемых отдельными мифологемами, логически не объясняется с точки зрения их исторического происхождения, а констатируется как нечто реальное и вечно существующее. Это означает, что политический миф изначально антикаузален;
- придание мифу псевдокаузальности происходит позднее, когда разрозненные мифологемы объединяются единой концепцией. Тем самым миф становится целостным и приобретает видимость научной теории;
- в свою очередь, данная совокупность мифологем, объединенная единой теорией, проявляется в обществе в форме идеологии;
- средствами укоренения статического мифа в обществе являются социальные институты, управляемые и направляемые режимом, и прежде всего СМИ. Однако СМИ (легальные, полулегальные и нелегальные), открыто или скрыто находящиеся на стороне оппозиционных сил, становятся средством внедрения динамического мифа;
- миф имеет особый полифункциональный язык. На этапе разрушения прежней социальной нормы и внедрения динамического мифа он возникает и ис-

пользуется силами, противостоящими правящему режиму. На этапе закрепления новой социальной нормы и превращения динамического мифа в статический (этому, как правило, сопутствует изменение баланса политических сил), язык мифа становится официальным и общепринятым в обществе;

- политический миф ограничен территориально, т.е. функционирует только в границах определенной страны (или группы стран);
- политический миф ограничен также временными рамками, т.е. функционирует только в течение определенного периода времени;
- политический миф приобретает мощную силу влияния в обществе в переломные моменты его истории;
- политический миф всегда имеет конкретного «заказчика» и «потребителя» – субъекта мифотворчества, использующего миф для достижения политических целей.

Совокупность перечисленных выше признаков может быть использована в качестве методологического инструмента идентификации ряда социальных явлений (в том числе интеллигенции) как мифологических, а также для их дальнейшего изучения.

Кроме того, исследование социального мифа означает выявление субъекта мифотворчества. Согласно гипотезе автора одним из таковых в России была бюрократия, проходящая определенные этапы развития и соответственно этому модифицирующая социальные мифы для достижения конкретных политических целей.

Поэтому во втором параграфе **«Бюрократия как субъект властных отношений»** автор обращается к анализу теорий, трактующих бюрократию в качестве субъекта действия и мифотворчества.

Основоположником теории бюрократии принято считать Г.В.Ф. Гегеля. Согласно ему, бюрократия представляет собой самостоятельный общественный слой, возникающий и развивающийся вместе с развитием и укреплением государства и являющийся субъектом осуществления всеобщего интереса через рационализацию системы государственного управления. Направленность действий, а также компетентность данного слоя, необходимые для гармоничного сочетания частного интереса со всеобщим, зависит от уровня его образования.

К. Маркс, творчески развивая идеи Гегеля, также считал бюрократию одним из элементов управления государством. По его мнению, бюрократия возникает в классовом антагонистическом обществе. Она является паразитическим социальным слоем и использует противоречия общества в своих интересах, постепенно приобретая всю полноту власти, становясь "государством в государстве" и фактически делаясь его конечной целью. Основными признаками бюрократии является её отчужденность от мира, замкнутость, иерархичность внутри бюрократической структуры, а также некомпетентность. Цель бюрократии – сохранение или повышение личного статуса внутри иерархии. Одним из способов для этого является социальная мифология.

Если Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс изучали бюрократию как политический факт, то М. Вебер рассматривал ее как частный случай социологии организаций. Он исходил из исторической множественности бюрократии, которая, по его мнению, имела место в различных типах обществ. На основе синтеза черт бюрократии в различных типах обществ он создал модель ее «идеального типа». Основные черты "идеального типа" бюрократии, по мнению М. Вебера, следующие:

- иерархия, то есть наличие у каждого служащего четко очерченного поля компетенции, области полномочий и ответственности за свои действия перед вышестоящим начальником;
- безличность, то есть выполнение любой работы в соответствии с определенным набором правил, исключающим произвол и фаворитизм;
- постоянство и стабильность, то есть обеспечение учреждением полной занятости служащих в течение рабочего времени, гарантий долгосрочного пребывания в должности и перспектив повышения по службе;
- экспертиза, то есть отбор служащих по профессиональным качествам и наличие специальной подготовки;
- дисциплина, правила которой едины для всех чиновников.

При этом «идеальный тип» отнюдь не абстрактная внеисторическая категория. Он может возникнуть только на определенном этапе развития государства, имеющего определенный тип политической легитимности.

Россию он к такой разновидности общества не относил, считая, что русское самодержавие – это централизованная полицейская бюрократия. Специфика ее функционирования, по мнению М. Вебера, заключается в том, что, с одной стороны, правящие круги создают и развивают социальную мифологию (которую он называл «символически рационализированной магией»). С другой стороны в России сохранился ряд слоев, занимающих формально определенное место в социальной иерархии, но лишенных политического влияния внутри бюрократической машины, и стремящихся его приобрести.

Кроме того, увеличилось число «париев» – людей, находящихся вне любой иерархии, то есть маргиналов.

Эти группировки создают свою социальную мифологию (в которую, в отличие от правящих кругов, искренне верят) – «спасения», проявляющуюся в антигосударственной идеологии, призывающей к радикальному слому политического устройства и отказа от всех общественных условностей. Себя же они полагали главными действующими персонажами – «героями-спасителями».

По сути, М. Вебер обосновал идею двух моделей мифа – имманентную, когда субъект мифотворчества является одновременно и объектом мифовосприятия (в случае революционных кругов общества), и трансцендентную, когда субъект мифотворчества и объект мифовосприятия разделены (правящий режим и все остальное общество).

К. Мангейм, развивая идеи М. Вебера, выдвигает ряд принципиально важных в контексте нашего исследования положений:

1. бюрократия всегда стремится занять в обществе главенст

вующее положение;

2. одним из средств этого является идеология, с помощью которой правящая бюрократия стремится представить свои релятивные взгляды за как абсолютную истину
3. идеология включает в себя также иррациональные воззрения (т.е. социальную мифологию) в качестве необходимого и обязательного элемента;
4. на смену старой консервативной бюрократии приходят интеллектуалы – группы людей, имеющих высокое образование не связанные ни с какими классами в обществе, осознавшие свои политические интересы и стремящиеся их осуществить;
5. к власти они приходят с помощью социальных технологий, т.е. системы научно обоснованных социально-политических акций;
6. однако качественного скачка при смене власти не происходит – одна элита сменяет другую, т.е. интеллектуалы становятся новой бюрократией.

Современный французский ученый М. Крозье, в свою очередь, полагал, что конституирующим признаком ряда бюрократических систем стала дисфункция, то есть распространение рутинных, тормозящих инициативу процедур. Дисфункции возникают в странах с определенным типом управления, сочетающим официальную и «параллельную» власти. При этом последняя, как правило, носит инновационный характер и создает новые социальные нормы.

Резюмируя изложенные выше точки зрения на бюрократию, можно сделать следующие выводы:

1. Бюрократия – это самостоятельный социальный слой, возникающий на определенной стадии развития общества и проходящий определенные этапы становления. Он имеет ряд признаков и функций и подразделяется на типы – производственно-управленческий, политический и корпоративный.

2.Бюрократия может играть позитивную или негативную роль в зависимости от доминирования того или иного типа в обществе; как правило, наиболее несовместимой с потребностями общества является корпоративная бюрократия, независимая и от производства, и от политического лидера.

3.Негативная роль бюрократии заключается в превалировании ее собственных интересов над общегосударственными и постоянном стремлении к обретению полноты власти. Тогда функции бюрократии оборачиваются дисфункциями и, как одно из следствий, возникает феномен «параллельной власти», которая становится официальной в результате социального взрыва и радикальной деформации всех структур общества, исключая саму бюрократию, внутри которой меняются персоналии и ряд второстепенных функций, но сама она, как социальный слой, только укрепляется.

4.В обществах с «бюрократическим ритмом развития» (в том числе и в России), где дисфункции становятся конституирующим принципом, главенствующее место занимает корпоративная бюрократия; на этапе ради-

кальной деформации такого общества её сменяет «политическая бюрократия», которая затем сама трансформируется в корпоративную.

5.Человек в таком обществе с периодически разрушаемой социальной структурой попадает в кризис «коммунальной идентичности» и становится маргиналом. При этом он стремится как можно быстрее сделаться членом вновь возникающей (пусть даже иллюзорной) социальной общности, зачастую пересматривая свои прежние нравственные нормы, этические ценности и политические убеждения.

6.Одним из основных средств воздействия бюрократии как политического субъекта действия на общество является социальная мифология, выполняющая полифункциональную роль. Правящая бюрократия использует социальную мифологию для упрочения своего положения и представления себя в качестве единственной силы, укрепляющей и стабилизирующей государство. В свою очередь, политические группировки, желающие занять место правящей бюрократии, с помощью социальной мифологии внедряют свой позитивный образ как созидающей силы нового справедливого общества.

Кроме общих, бюрократия каждой страны имела свои специфические особенности. Не стала исключением и Россия. Становление ее государственности означало прежде всего формирование мощного бюрократического аппарата, проходящего ряд этапов развития, и на каждом из них обретающего все большую полноту власти, становясь не столько механизмом управления, сколько самостоятельным субъектом исторического действия.

Каждой из исторических разновидностей российской бюрократии были присущи свои формы социальной мифологии. Соответственно, мифологема «интеллигенция» возникла как закономерное, исторически обусловленное следствие становления очередной разновидности российской бюрократии – бюрократии политической. Доказательству этого посвящена вторая глава **«Особенности становления субъектов мифотворчества в России».**

В параграфе первом **«Этапы развития субъекта статического мифа власти - бюрократического аппарата самодержавия»** раскрывается специфика становления официальной государственной мифологии в России и её субъектов.

Основной тенденцией развития российского государства было создание сильной централизованной власти, и переход от сословно-представительной монархии к абсолютной.

Одним из главных условий существования и успешного функционирования такой монархии является наличие мощного бюрократического аппарата, подчиняющего себе возможно большее число сфер в обществе.

Поэтому возникшая при сословно представительной монархии служилая бюрократия, сравнительно слабая, непрофессиональная и немногочисленная, в условиях окончательного оформления абсолютизма в эпоху Петра I превращается в особый социальный слой, обладающий значительными полномочиями. Этому способствовала политика, проводимая абсолютизмом в отношении со-

циальной структуры. Режим формировал ее в зависимости от своих потребностей. Поэтому из трех активных, развивающихся и перспективных сословий – дворянства, духовенства и купечества – властные полномочия обрело только дворянство. Наступает второй этап развития российской бюрократии – *дворянский*. Его возникновение законодательно закреплялось вышедшей в 1722 г. «Табелью о рангах». В это же время в сознание общества внедряется мифологема власти, носящей якобы божественный характер и поэтому неприкосновенный.

Петр I хотел создать функционирующий *механизм* управления, но бюрократический аппарат стал приобретать черты *субъекта* управления. Он увеличивается численно, возникает и усложняется иерархия должностей, вводится постоянное денежное жалование. Однако реально правящим классом дворянству не удалось стать по следующим причинам: во-первых, оно было малочисленно; во-вторых, в массе своей у дворянства отсутствовало специальное образование; в-третьих, оно не имело идеологии, альтернативной самодержавию, и сколько-нибудь внятной концепции развития страны; в-четвертых, дарованное им в период с 1725 по 1785 гг. большое число льгот и вольностей в ущерб обязанностям превратило дворянство в пассивный и разлагающийся строй; к тому же в результате этих льгот оно сделалось крупнейшим владельцем «крещеной собственности» (то есть крепостных крестьян) и было объективно заинтересованно в консервации существующих косных порядков. Поэтому большая часть дворянства превратилась в привилегированную, но быстро вырождающуюся абсентеистскую касту.

Меньшая часть дворянства, став чиновниками, государственными служащими высшего и среднего звеньев администрации, все же оформляется в корпоративную группу, у которой появляются собственные интересы и политические амбиции. Данная группа стала костяком, основой очередной разновидности российской бюрократии – чиновничьей. Она возникает в эпоху правления Николая I. Именно тогда происходит окончательная переориентация царского режима на бюрократический аппарат как на свою основную опору. Не доверяя аристократии, Николай I стремился создать обособленную касту по-военному организованных исполнителей, и превратить страну в бюрократическую империю.

Поэтому в основу работы бюрократического аппарата кладется принцип бюрократического централизма. Одновременно резко повышаются требования к общей и профессиональной подготовке чиновников. Их продвижение прямо увязывалось с уровнем образованности и профессиональной компетентности.

Кроме того, впервые в истории России правящий режим предпринял попытку создания собственной идеологии. Она была создана на основании работ историка М.П. Погодина и в конце 1834 г. окончательно сформулирована товарищем министром просвещения С.С. Уваровым в виде следующей формулы: «православие, самодержавие, народность».

Данная триада была сразу же принята бюрократией в качестве официальной. Однако внутри нее возникла иерархия: главенствующее место занимало

самодержавие, являвшееся, согласно доктрине, основой стабильности государственного строя. Православие же и народность были не более чем формальными аксессуарами.

С одной стороны, идеология «русского консерватизма» формально была продолжением петровской традиции, русифицированной формы западничества. Однако, с другой стороны, в отличие от безудержного петровского реформаторства, она носила охранительный характер и создавалась для увековечения существующего строя.

Не ограничиваясь созданием охранительной идеологии, режим принял ряд законов о государственной безопасности, в соответствии с которыми право заниматься политикой, политической деятельностью принадлежало только правящей бюрократической верхушке. Все остальные граждане российской империи лишались этого права под угрозой сурового наказания.

Таким образом, к середине XIX века вся полнота власти в России сосредотачивается в руках одного социального строя – чиновничьей бюрократии, превратившейся к тому времени в корпоративную касту, преследующую свои собственные интересы в обход царя. Представительных противовесов бюрократии создать не удалось. Это, в свою очередь, привело к перераспределению власти внутри самой бюрократии. Большая часть функций управления перешла к репрессивному аппарату, сводившему их к чисто охранительным мерам.

Остальная часть бюрократии постепенно вырождалась, повторяя судьбу дворянства. Поэтому и она не стала реальным политическим субъектом действия. Выполнение управленческих функций свелось только к охранительной; так и не была создана долгосрочная и целостная концепция развития империи; отсутствовала идеология, принимаемая и понимаемая большинством населения страны – русский консерватизм к тому времени стал «идеологической псевдоморфозой», лишенной реального содержания и существовавшей только по инерции. Тем не менее, объективная неспособность властвовать еще не означала готовности разделить или уступить эту власть. Наоборот, режим решительно пресекал все попытки притязаний на власть.

Таким образом, ослабление витальности главной государственной силы – чиновничьей бюрократии – вызвало объективную потребность в новом историческом субъекте действия. Им стало, по выражению Г.П. Федотова, «инобытие» чиновничьей бюрократии, обозначенное термином «интеллигенция».

Во втором параграфе «**Возникновение субъектов динамического мифа и их сущность»** исследуется инновационный характер нового исторического субъекта действия, выразившийся в социальном составе формирующегося строя. Его основой стали разночинцы – немногочисленный городской слой маргиналов, или полностью утративших связь со своим сословием, или формально принадлежащих к какому-нибудь сословию, но неудовлетворенных своим положением в нем.

В начале 40-х годов XIX века на его основе начинает формироваться «реальная социальная группа», постепенно осознающая свои экономически, политические и другие интересы, и имеющая потенциальные возможности для их

удовлетворения. Как правило, такая группа состоит из «ядра», то есть концентрированного выразителя всех социальных свойств группы и ее интересов – субъекта действия, лидера, и «периферии» - людей, в той или иной степени разделяющих позиции ядра, и участвующих в его деятельности с различной степенью активности.

Одной из задач ядра на этапе становления «реальной социальной группы» является конструирование позитивного образа данной группы в форме идеологии, научной теории, политического мифа, и внедрение его в общественное сознание с помощью «периферии».

Идеология разночинских групп отличалась крайним для того времени радикализмом. Они не просто критиковали правительственный курс, но отрицали самые основы существующий государственной системы. Главным своим врагом разночинцы считали привилегированные классы, и, прежде всего - бюрократический аппарат. Термин «бюрократия» употреблялся в разночинской среде только с негативно-уничижительным оттенком и был для них синонимом всего худшего и реакционного.

Традиционной формуле Российской Империи «православие, самодержавие, народность» разночинцы противопоставили формулу, заимствованную у Запада: атеизм, социализм, интернационализм. Однако эти составляющие превратились в русской революционной среде специфическим образом. Социализм стал для них новым «символом веры» и воплотился в теорию и практику народничества – первое русское революционное движение, создавшее действующие политические организации.

В основе народнической идеологии лежало особая, светская разновидность религиозного сознания, проявлявшаяся в мифологизированных представлениях о крестьянстве как основной революционной силе общества, зрелой, совершенной, готовой в любой момент разрушить старый государственный порядок и осуществить самые коренные реформы. Рассуждая о бескорыстном служении крестьянству, народники на деле считали себя его духовными наставниками. Идеализированный образ крестьянства предполагал и собственный облагороженный образ. В связи с этим следует учитывать, что первоначальный политический опыт приобретался не в совместной партийной борьбе, а в кружках, организованных в учебных заведениях разного уровня, и в полемике на страницах газет и литературных журналов. Поэтому и модный в то время термин, избранный ими для позитивной репрезентации в обществе – «интеллигенция» - имел литературное происхождение. Единичные случаи употребления этого понятия в абстрактно-философском значении «высшего сознания» как определенного качества личности известны уже во второй половине XVIII в. Начиная с 40-х годов XIX в. оно используется для обозначения определенной социальной группы, обладающей высокими нравственными качествами. Авторство этого термина, по нашему мнению, остается неустановленным: мы не разделяем распространенную точку зрения, согласно которой, приоритет понятия «интеллигенция» принадлежит П.Б. Боборыкину. Он был лишь одним из мно-

гих писателей, публицистов и ученых, использовавших данный термин в своих работах.

Таким образом, понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении возникает в русской художественной литературе и публицистике, отличаясь при этом лексико-семантической неопределенностью. Четкого социологического определения интеллигенции не существовало. Любое высказывание об интеллигенции сводилось к тому, что она – лучшая часть российского общества.

Поскольку народники именно себя считали наиболее передовой частью общества, они стали применять этот термин по отношению к собственному движению. Целая группа ученых, от Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева до Л.Д. Троцкого и В. Воровского полагала, что массовое распространение слово «интеллигенция» получило именно в разночинской среде. При этом в его значении обязательно присутствовала аксиологическая доминанта, перевес эмоционального над логическим, что свидетельствовало об его антикаузальности, являющейся одним из признаков политического мифа.

С развитием политических процессов в России и появлением движений с различной идеологией все они начинают использовать данный термин в своей практике, зачастую вкладывая в него противоположные значения.

Обоснованию этого посвящена третья глава **«Генезис и эволюция мифологемы «интеллигенция».**

В параграфе первом **«Формирование и укоренение мифологической парадигмы взглядов на интеллигенцию в российском обществе второй половины XIX – начала XX века»** показан процесс наполнения мифологемы «интеллигенция» конкретным содержанием в зависимости от потребностей различных политических группировок дореволюционной России.

В частности, теоретики народничества попытались наполнить данное понятие конкретным содержанием, ввести его в определенные социологические рамки. Выделение интеллигенции в особую социальную группу происходило в соответствии с *социально-этическим* критерием. Из него исходили все видные деятели народничества, от П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского до Р.В. Иванова-Разумника, который дал классическое народническое определение интеллигенции, считая ее этически анти-мещанской, социологически – внесословной, внеклассовой, преемственной группой, характеризуемой творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности.

Таким образом, народничество, организуясь политически, дает начало *политической мифологии*, в рамках которой отдельная мифологема «интеллигенция» вписывается в теорию социальной структуры, состоящей из ряда элементов. Однако, заложив основы политической мифологии, народники не смогли *практически* применить ее в деле завоевания власти, поскольку по сути своей были только антигосударственниками и серьезно не задумывались ни о типе будущего государства, ни о субъектах и формах государственного управления.

Логическое развитие и практическое применение политическая мифология, и в том числе миф об интеллигенции, получила в русифицированном воплощении марксизма – в теории и практике большевизма. Он был единственным политическим движением, боровшимся за власть на основе долговременной стратегии, предусматривавшей не только революционно-освободительную *борьбу* за власть, но и дальнейшую *организацию* власти после ее взятия.

Если русифицированный марксизм стал идеологией большевизма, то в своей практической и организационной деятельности большевики во многом исходили из постулатов П.Н. Ткачева. Он выдвинул два принципиально важных политических положения: идея непрерывности функционирования государственного бюрократического аппарата, несмотря на изменения политического режима; однако разновидности бюрократии при новом правлении могут носить инновационный характер и развиваться как партийный аппарат.

Большевики под руководством В.И. Ленина считали создание всероссийского аппарата управления или, точнее, общерусской централизованной организации, состоящей из профессиональных революционеров и руководимой политическими лидерами, одной из своих главных практических задач.

Центральное место в идеологии большевизма занимала классовая борьба пролетариата. Это предполагало, во-первых, наличие классов; во-вторых, выделение пролетариата в особый класс; в-третьих, наличие у него «классового сознания», то есть идеологии; в-четвертых, признание его политическим субъектом действия.

Интеллигенция в этой схеме оказывалась социальной прослойкой, обслуживающей интересы того или иного класса. Однако, по мнению В.И. Ленина, пролетариат, как и всякий другой класс, должен выработать свою собственную интеллигенцию, которая возглавит этот класс. Следовательно, В.И. Ленин (а за ним и его соратники по партии) объективно исходили из народнического же понимания интеллигенции как лучшей части общества, сузив его до рамок класса. Кроме того, использован иной критерий выделения интеллигенции в особую социальную группу: если у народников он *социально-этический*, то у большевиков – *социально-классовый*.

Тем самым проявился еще один признак политического мифа – сохранение его оболочки (то есть наименования «интеллигенция») при радикальном изменении его содержания в зависимости от конкретных политических целей. В реальности же партия большевиков представляла собой новый тип бюрократической организации, идущей на смену царской бюрократии – политической, основу которой составляли профессиональные революционеры, то есть маргиналы, вооруженные теорией русифицированного марксизма. Кроме того, понятие «интеллигенция» используется другими политическими группировками, поэтому в период до 1917 г. проявляется большая часть признаков данного мифа.

Таким образом, в 30-40-е гг. XIX в. в России начинают формироваться первые политические организации, и сразу же возникает политическая мифология, составной частью которой становится миф об интеллигенции. За короткий

период термин «интеллигенция» из отдельной мифологемы превращается в целостный миф, обладающий набором признаков, и вписанный в систему мифологем. Он активно используется всеми бес исключения политическими группировками того времени.

Однако одновременно с укоренением мифа в общественном сознании делаются попытки его демифологизации. Возникают «концепции-предупреждения». Их анализу посвящен второй параграф **«Попытки демифологизации: концепции интеллигенции как разновидности бюрократии».**

Целый ряд ученых и общественных деятелей – народник И.И. Каблиц, «легальный марксист» А.С. Изгоев, анархист Я. Махайский, социал-демократ К. Каутский, писатель А.П. Чехов и другие, с разных точек зрения рассматривая интеллигенцию, приходили к единому выводу о том, что, по сути, она представляет собой новую разновидность бюрократии, новый эксплуататорский класс, более образованный и организованный, нежели царский государственный аппарат, но при этом значительно более опасный для народа, поскольку преследует только собственные интересы и не остановится не перед чем для их осуществления.

Наиболее фундаментальным и концептуальным выражением таких взглядов стал сборник «Вехи», соавторы которого исходили не только из теоретических конструкций, но и из реального опыта вхождения «новой бюрократии» во власть – из опыта революции 1905-1907 годов. Все участники сборника были солидарны в том, что субъектом революции, ее движущей силой была некая социальная группа, именуемая «интеллигенцией». Поэтому нужды русской государственности требовали тщательного исследования этого феномена. Результатом стала следующая совокупная характеристика социальной группы, именующей себя «интеллигенцией»:

- причиной ее возникновения являлась монополизация политической деятельности царской властью и недопущение элементов из средних и высших слоев населения к управлению страной;
- появившиеся аморфные политические антигосударственные течения за короткое время оформляются в замкнутую касту, исповедующую радикально-революционную идеологию;
- однако по своему мировоззрению интеллигенция в целом остается народнической; народническому перерождению подвергаются все революционные теории, включая марксизм;
- народнический характер определял ее следующие черты и признаки:
  - а) социально-этический критерий выделения себя в качестве основных субъектов действия;
  - б) прагматически-утилитарное отношение к науке и образованию;
  - в) отсутствие интереса к реальным национальным нуждам государства, космополитизм;
  - г) догматизм, слепая приверженность к параграфам партийных уставов;
  - д) неуважение к формальному, закрепленному в законах праву, подмена его «интересами народа».

Поэтому авторы «Вех» делают следующие выводы:

- социальная группа, именуемая интеллигенцией, несмотря на внутри- и межпартийные разногласия, представляет единый и целостный культурно-исторический феномен народничества;
- степень правосознания данной социальной группы находится на уровне полицейской государственности и является ее закономерным этапом, продолжая традиции российской власти. Таким образом, «интеллигенция» есть не что иное, как новая, закономерно возникшая разновидность корпоративной бюрократии, идущая на смену чиновничьей, и отличающаяся от нее большей степенью организованности, а также идеологией, доступной и привлекательной для масс.

Определение интеллигенции как новой формы бюрократии вызвало яростное неприятие практически всеми политическими группировками и их лидерами, от умеренных до самых радикальных. «Концепции-предупреждения» не сыграли никакой роли в формировании политической ситуации в России. В итоге к власти пришел новый субъект действия – политическая бюрократия.

В третьем параграфе **«Специфика функционирования мифологемы «интеллигенция» в Советской России»** исследован процесс окончательного закрепления мифологемы «интеллигенция» в качестве официально признанного элемента социальной структуры советского общества.

Советское государство возникает как инновационная форма партийного правления. Бюрократический аппарат самодержавия подвергся радикальным преобразованиям. По замыслам руководства Советской России, и прежде всего В.И. Ленина, новый аппарат управления должен был представлять нечто вроде веберовской «идеальной модели». Однако практика его функционирования быстро показала наличие тех же негативных черт, что и у царской бюрократии.

К концу 20-х – началу 30-х годов бюрократический аппарат СССР вновь превращается в самостоятельный социальный корпоративный слой. Одним из главных инструментов его управления становится идеология. В это же время исчезает политика как форма взаимодействия между социальными группами. Бюрократия из политической превращается в идеологическую, и, главным (формально нигде и никем не провозглашенным, но реально функционирующим) признаком становится *идеологический монизм*.

Соответственно, при новом политическом режиме видоизменяется и политическая мифология. В очередной раз миф об интеллигенции наполняется новым содержанием. Если в первые годы советской власти еще происходят дискуссии на тему, что такое интеллигенция, и об ее месте в новом обществе, то к 1925 г. возобладала единственная точка зрения: это понятие было редуцированно до рамок «специалиста», то есть чисто профессиональной междуклассовой прослойки, не играющей самостоятельной политической роли в обществе, и являющейся объектом воздействия со стороны правящего класса.

Однако во второй половине 1930-х гг. официально утверждается нормативная теория социальной структуры, предложенная И.В. Сталиным и едино-

гласно поддержанная всей пропагандистской машиной, согласно которой в СССР существует два дружественных класса – рабочий класс и крестьянство, а также равноправная им во всех сферах хозяйственной, политической, общественной и культурной жизни социальная прослойка – интеллигенция.

Таким образом, «интеллигент» из простого «спеца» превращается в спеца передового, преданного советской власти, разделяющего коммунистическую идеологию и активно проводящего ее в жизнь. В перспективе вся масса трудящихся, весь советский народ должен будет состоять из интеллигентных людей, овладевших современной наукой и культурой.

Следовательно, произошло новое возрождение народнического мифа об интеллигенции, на этот раз вписанного в единственную и нормативную мифологию социальной структуры. Он приобретает последний недостающий ему признак – термин «интеллигенция» становится «энкратическим», то есть находящимся под опекой властей и официально используемым ими. Это означало, что впервые в истории человечества в СССР возникла и стала успешно функционировать *абсолютная мифология*, ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречающая препятствий для своего развития и существующая как единственно возможная картина мира. Появление абсолютной мифологии стало завершающим этапом формирования правящего социального строя – идеологической бюрократии.

Став частью мифологии социальной структуры, миф об интеллигенции практически в неизменном виде функционировал до конца советского режима. В постсоветский период, в связи с целым рядом экономических и политических катаклизмов произошла беспрецедентная по масштабам маргинализация населения, однако нового политического субъекта действия, реально противостоящего правящему режиму, на наш взгляд, пока еще не возникло. Поэтому миф об интеллигенции в настоящее время используется только идеологами правящего режима. В широких же слоях общества данный термин употребляется в основном с негативно-уничижительным оттенком, так же, как в свое время термин «бюрократия».

Тем не менее, говорить об исчерпанности мифа об интеллигенции, на наш взгляд, преждевременно. Об этом свидетельствуют попытки вписать его в теорию элит. Однако это тема уже другого исследования.

В **заключении** подводятся основные итоги диссертации и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Основные положения диссертации изложены в 33 публикациях, в том числе:

1. Орлов С.Б. Политическая мифология в России: опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2002.–215 с.

2. Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. – 2001. - № 11. – С. 51 – 58.

3. Орлов С.Б. Народничество как субъект мифотворчества // Тезисы докладов студенческой научной конференции "Актуальные проблемы общественного развития". – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. проф.-пед.ун-та, 2001. – С. 69 – 70.
4. Орлов С.Б. Миф об интеллигенции: история возникновения // Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием «Российская интеллигенция: критика исторического опыта».- Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001.В соавт. – С. 91-95.
5. Орлов С.Б. Социология образования перед новыми вызовами (материалы "круглого стола") // Социологические исследования. – 2000. - № 6. В соавт. – С. 52-66.
6. Орлов С.Б. Кризис социальной мифологии в современной России // Тезисы докладов Всероссийской конференции "Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России". – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – С. 82-83.
7. Орлов С.Б. И.В. Сталин и решение проблемы "интеллигенция": переход от мифа к функции // Материалы научно-исторической конференции "Роль И.В. Сталина в общественно-политической истории XX столетия". – Челябинск: РИО Челяб. Дома печати, 2000.-С. 37-39.
8. Орлов С.Б. Методология исследования мифа об интеллигенции // Тезисы докладов Второй Всероссийской конференции "Воспитание духовности: ценности и традиции". – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. проф.-пед.ун-та, 1999. – С. 179-181.
9. Орлов С.Б. Мифологема "интеллигенция": генезис, сущность // Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений. Часть 1. Сб.статей. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 123-132.
10. Орлов С.Б. Проблемы исследования интеллигенции как мифологического явления // Тезисы докладов Межрегиональной научной конференции "Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики". – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.проф.-пед.ун-та, 1999. – С. 26-28.
11. Орлов С.Б. Маргинализация населения города как социальная катастрофа // Сборник материалов научно-практической конференции "Социально-экономические проблемы развития г. Бийска на долгосрочную перспективу". – Бийск: НИЦ БиГПИ,1999. – С. 21 – 30.
12. Орлов С.Б. Интеллигенция как форма бюрократии: философско-социологический аспект // Сборник научных трудов "Философия права: проблемы и перспективы". Вып.1. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид.института, 1999. – С. 91 - 109.
13. Орлов С.Б. Мифологема "интеллигенция": генезис и современное состояние // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции "Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в историче-

ской динамике". – Екатеринбург: Изд-во ИииА УрО РАН, 1998.В соавт. – С. 23 – 25.

14. Орлов С.Б. Интеллигенция как политический миф // Тезисы докладов Третьей Всероссийской конференции "Судьба России: исторический опыт XX столетия". – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 338-339.
15. Орлов С.Б. "Вехи" как попытка демифологизации понятия "интеллигенция"// Тезисы докладов Всероссийской научной конференции "Интеллигенция России в истории XX века". К 90-летию сборника "Вехи". – Екатеринбург: Изд-во УрГУ; ИИиА УрО РАН, 1998. В соавт. – С. 11-12.
16. Орлов С.Б. и др. Непрерывное образование и инженерия знаний (междисциплинарные аспекты). Монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ 1998. В соавт. – 411 с.
17. Орлов С.Б. Особенности развития социальной структуры современной России // Сборник тезисов-докладов 55-й научно-технической конференции студентов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава АлтГТУ им.И.И. Ползунова «Научно-техническое творчество молодых». – Часть 1. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 1997. – С. 52 - 54.
18. Орлов С.Б. Проблемы и перспективы развития социальной структуры города // Сборник материалов научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы развития г. Бийска до 2000 года» / Бийск: НИЦ БиГПИ, 1997. – С. 111- 119.
19. Орлов С.Б. Социальная структура российского общества: мифы и реальность // Тезисы докладов международной методической конференции «Обновление содержания и инновационные метолы преподавания гуманитарных наук». - Тула: ТГПУ, 1997. – С. 95-98.
20. Орлов С.Б. Проблема становления личности в современной России // Тезисы докладов V международной конференции «Развитие личности в системе непрерывного образования». - Часть 2, Новосибирск: изд-во НГПУ. – 1997. – С. 157-160.
21. Орлов С.Б. Гуманистические функции образования в дегуманизирующемся обществе современной России // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Гуманизация образования: опыт и проблемы». - Бийск: НИЦ БиГПИ, 1996. – С. 15-17.
22. Орлов С.Б. Проблемы подготовки и сохранения кадров в условиях современной России // Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции «Региональные аспекты регулирования рынка труда». - Барнаул: АГУ, 1996. – С. 40-42.
23. Орлов С.Б. Миф о "русской интеллигенции" // Учебное пособие "История отечества: проблемы личности" (глава). – Бийск: НИЦ БиГПИ, 1995. – С. 24-41.
24. Орлов С.Б. Непрерывное образование и культурная политика царской России второй половины XIX века // Сборник научных трудов “Политика и культура”. - Екатеринбург: УрГУ, 1991. – С. 45-58.

25. Орлов С.Б. Возможности рынка в реализации концепции непрерывного образования // Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции “Проблемы самоуправления в трудовом коллективе”. - Ижевск: Ижевский дом техники, 1990. – С. 35-38.
26. Орлов С.Б. Опыт нормативного прогноза системы непрерывного образования // Сборник научных трудов “Перспективы развития образования и педагогической науки”. – Красноярск: КПИ, 1987. В соавт. – С. 12-24.
27. Орлов С.Б. Проблемы становления и развития социалистической системы непрерывного образования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1985. – 17 с.